

МАИЯ ЛАСКОВАЯ

ДНЕВНИК КАТАСТРОФ,

ИЛИ
Хроники выживания
оптимистки

- ☑ Офисный абсурд
- ☑ Театр абсурда
- ☑ Сосед-конспиролог
- ☑ Выживание и оптимизм 😊

РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО

АЛЬФА ЦЕНТАВРА

АЛЬФА ЦЕНТАВРА СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ!

НЕ СХОДИ С УМА. ЭТО ЛОВУШКА.

ВСЁ БУДЕТ... КАТАСТРОФА, НО Я СПРАВЛЮСЬ! ❤️

УЛЫБАЙСЯ. БЕГИ. ПИШИ ДНЕВНИК

- ПЛАН:
1. Выжить
  2. Не сойти с ума
  3. Оптимизм не терять

ХУЖЕ УЖЕ НЕ БУДЕТ. А, НЕТ... БУДЕТ. 😞

Сатира. Гротеск. Театр абсурда. Жизнь.

Майя Ласковая

**Дневник катастроф, или
Хроники выживания оптимистки**

«Автор»

2026

Ласковая М.

Дневник катастроф, или Хроники выживания оптимистки /
М. Ласковая — «Автор», 2026

Что делать, если твоя жизнь превратилась в театр абсурда: в безумном офисе шеф бредит киберкурицами, конспиролог превратил подъезд в филиал сумасшедшего дома, налоговая угрожающе дышит в лицо, а в народном театре на голову падают грабли? «Дневник катастроф» — это уморительные хроники выживания оптимистки в мире, где здравый смысл давно ушел на пенсию.

© Ласковая М., 2026

© Автор, 2026

Майя Ласковая

Дневник катастроф, или Хроники выживания оптимистки

Глава 1

ДНЕВНИК КАТАСТРОФ, или Хроники выживания оптимистки

(жанр: юмор, гротеск, абсурд, самоироничный стор)

Пролог В эпицентре чужого безумия

Я долго и мучительно размышляла, за какие именно грехи вселенная выбрала меня полигоном для испытания человеческой глупости. Потом думать перестала — заболели извилины — и просто взяла ручку, поскольку память — дама капризная, в отличие от офисных тиранов, театрального бума, бродячих психов и доморощенных конспирологов. Эти как раз обладают пугающей привычкой всегда возвращаться на место преступления.

Моя жизнь напоминает затянувшийся бенефис в театре абсурда, где режиссёр явно перепутал жанры и ставит драму пополам с цирком, а мне выдали главную роль без права на суфлёра. Если однажды меня всё-таки увезут в тихую обитель с мягкими стенами, пусть этот дневник послужит официальным заявлением в Гаагский трибунал. Или хотя бы поможет следствию восстановить хронологию моих ежедневных катастроф. Дневник для меня — единственный бесплатный анальгетик от окружающей действительности. Итак, занавес открывается, господа. Не поминайте лихом. Но для начала давайте знакомиться.

Я Майя. Если вы откроете любой эзотерический справочник по женским именам, то прочтёте, что Майя — это «богиня весны, несущая миру гармонию и процветание». Как бы не так! Авторы этих книг явно ошиблись, потому что со мной не знакомы. В моём понимании «гармония» — это способность не зацепиться колготками за единственный торчащий гвоздь в радиусе пяти километров. А «процветание» — умение элегантно не сойти с ума посреди рабочей недели, не испортив макияж.

Верить в то, что написано ниже, или считать это художественным вымыслом — личное дело каждого. Мой внутренний адвокат настоятельно рекомендует заявить, что все совпадения случайны. Но, честное слово, у меня просто не хватило бы фантазии выдумать этот паноптикум. Жизнь — гораздо более изобретательный и циничный сценарист, чем я. В свои тридцать с хвостиком я внезапно обнаружила, что вселенная выдаёт мне приключения такими порциями, будто я круглосуточно нахожусь на кастинге в остросюжетное кино. Вместо лимонов для лимонада она подбрасывает мне исключительно грабли. Причём прилетают они аккурат по моему здравому смыслу, который уже давно сидит на чемоданах и умоляет о политическом убежище в какой-нибудь более спокойной голове.

Моя память бережно хранит офисную шизофрению, дворовую конспирологию, театральные катастрофы и ещё целый склад жизненного абсурда. Когда его концентрация вокруг превысила все допустимые нормы, я поняла: либо я начну это записывать, либо меня начнут принудительно лечить. Вот так и родился этот дневник...

Начать хроники своего личного апокалипсиса я обязана с рабочего места. Коллектив, в котором я тружусь — это не просто коллеги, это передвижной цирк-шапито, откуда дрессировщики давно сбежали, а бухгалтерию и факс захватили клоуны. Во главе этого паноптикума стоит Шеф — человек, чей интеллект сияет столь ярко, что начисто выжигает логику у всех окружающих. Именно его авторству и принадлежит то, что я теперь уважительно именую «Фразой века».

Глава первая

Фраза века, или Прощай, кросс

Офисное утро не обещало никаких потрясений. Коллектив откровенно скучал и лениво переглядывался. Марина в углу заботливо обновляла маникюр, Митя медитировал на пустую кружку. Таня гадала Маше на кофейной гуще, а Надя самозабвенно подыскивала тур на Канары. Вдруг в комнату проскользнул Сашка. На его лице отчётливо читались смущение, сумбур и лёгкий экзистенциальный кризис — верные признаки того, что он только что покинул кабинет босса.

— Что он сказал? — меланхолично спросила я, не отрываясь от монитора.

— Он выдал монументальный креатив, — ответил Сашка, трагически поперхнувшись остывшим чаем.

— Прямо-таки монументальный? — я демонстративно прикрыла крышку ноутбука, спасая технику от Сашкиных эмоций.

— Абсолютно! — Сашка заговорщически понизил голос. — Это было монументально.

Представляешь, шеф сегодня поднялся в четыре утра, провёл экстренную медитацию на привлечение космического вдохновения, и в момент ментального просветления записал в блокноте гениальную фразу:

«Бренд — это метафизическое яйцо, несущееся в киберкурущу потребительского выбора».

Он сделал паузу, давая нам проникнуться величиим момента.

— Представляешь? — прошептал он. — А главным свидетелем сего открытия стал его кот Витязь, которого шеф осчастливил троекратным поглаживанием по оголившимся чакрам.

Офис на секунду замер отвлёкшись от важных утренних дел, а затем дружно прыснул, едва не умерев со смеху. Таня вглядевшись в кофейную гущу чашки тут же узрела срочные тектонические сдвиги в нашем отделе. Моя меланхолия мгновенно капитулировала перед гомерическим хохотом коллег. Но это было только начало. Начальник, выдав сей лингвистический шедевр, обессиленно провалился в кресло и замолчал на три дня. Весь отдел маркетинга трое суток передвигался по коридорам на цыпочках и общался исключительно жестами. Мы мучительно выбирали между тремя вариантами: нанять шефу психотерапевта, вызвать неотложку или срочно менять профессию, пока киберкурущи окончательно не захватили территорию.

На исходе третьих суток начальник наконец вышел из глубокого транса. Он покинул кабинет и, величественно подняв указательный палец к потолку, провозгласил замогильным голосом:

— Я чувствую... всем своим естеством, — он на секунду закатил глаза, будто сверяясь с космическим сервером, — эту информацию надо вывесить на огромном баннере. Над федеральным шоссе! Над всей страной!

Сашка испуганно икнул, явно представив, как под этим плакатом массово улетают в куветы перегруженные фуры, чьи водители пытаются постичь суть киберкурицы. Я вернула лицу каменное выражение и меланхолично резюмировала:

— Предлагаю вместо баннера вывесить на шоссе самого шефа. Пусть лично транслирует космосу свои метафизические озарения.

Сашка уполз к себе переваривать очередной шедевр корпоративной мысли, а я поняла: если срочно не принять меры, это метафизическое яйцо вылупится прямо в моей голове.

Мозгу требовалась экстренная эвакуация из офисного чистилища. Спасаться от абсурда я решила радикальным и, как мне казалось, здоровым способом — бегом. Спорт ведь лечит, не правда ли? О, как жестоко я ошибалась. Злая сила, курирующая мои личные катастрофы, уже поджидала дома в прихожей, замаскировавшись под пару верных кроссовок. Я натянула их, вышла на дистанцию и сделала первый шаг... навстречу трагедии. Как оказалось, это был мой последний кросс.

Всё начиналось вызывающе позитивно. Вечер обещал сокрушительный триумф здорового образа жизни над офисным маразмом. Я вышла на парковую дорожку, вдохнула майский воздух и почувствовала себя если не олимпийской чемпионкой, то как минимум женщиной, которая крепко взяла судьбу за рога. Багровое солнце заката ласково целилось мне в правый глаз, а верные кроссовки предвкушали победу над калориями. Я торжественно врубилась в наушниках бодрый трек, красиво побежала и даже успела с грацией испуганной лани преодолеть первые десять метров. Ровно на одиннадцатом вселенная напомнила мне, что я слишком расслабилась, и нанесла коварный удар снизу. Моя наивная мантра «жизнь прекрасна» с треском разбилась о суровую реальность паркового асфальта. Раздался характерный, ни с чем не сравнимый звук сдающейся ткани, и зловеще хрустнуло в районе подошвы. День мгновенно перестал быть томным, а надоедливые птицы оглушительно заливались, мешая мне страдать. В кармане суетливо зазвонил телефон, предвещая новые неприятности. Он вибрировал с упорством параноидальной старушки на скамейке у подъезда, которая караулит и въедливо допрашивает: «А чего это мы босиком возвращаемся? Никак улики прячем, в пакете».

В реальности приколы сыпались на меня, как из прохудившегося мешка, а я, как всегда, оказывалась в самом эпицентре катастроф и собственных эмоциональных срывов. Поэтому я ругалась, как сапожник в темноте, которому на ногу одновременно уронили чугунный утюг и годовой отчёт по ЖКХ. И пока кто-то строил грандиозные планы на будущее, я, балансируя посреди парка на одной ноге, вдохновенно сочиняла некролог своим кроссовкам. Тем самым, что были немymi свидетелями моих главных побед, пробежек, нервных потрясений и того самого случайного свидания на остановке с интеллигентом в помятом шарфе и с дырявым карманом, когда весь наш пир состоял из пластикового стаканчика кофе и баранки. Кроссовки не просто порвались. Они погибали. Героически, в заведомо неравной схватке с километрами, провинциальными бордюрами и самой жизнью. Покойтесь с миром, мои резиновые братья. Ваш последний путь официально пройден. А я пошла за шлёпанцами.